

Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 1. С. 179–186. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 1, pp. 179–186. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

УДК 811.163.1'373.72

EDN PGQGOB

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-1-179-186>

УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ «*V* + LOC, PL/SING» СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘СОСТОЯНИЕ ЛИЦА’ В ТЕКСТАХ ДЕЛОВОГО И ОБИХОДНОГО СОДЕРЖАНИЯ XVI–XVII ВВ.

Реинер Ада Игоревна, Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, adairein@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-6048-8886>

Аннотация. Рассматриваются устойчивые предложно-именные конструкции (УПИК), образованные по модели «*v* + Loc, pl/sing», со значением состояния лица, функционирующие в роли предиката в текстах делового и обиходного содержания XVI–XVII вв. Материал исследования (78 УПИК и около 600 контекстов их употребления) собран из исторических лексикографических и корпусных источников разных типов. Модель «*v* + Loc, pl/sing» является продуктивной для образования ряда устойчивых сочетаний, функционирующих в предикативной функции в современном русском языке, что обусловлено утратой такими сочетаниями пространственной семантики и приобретением вторичного значения состояния еще в древности. В работе выделены четыре семантических типа УПИК этой структуры в зависимости от обозначаемого состояния: психофизиологического, социально-экономического, процессуального, присутствия/отсутствия. В каждой из групп рассмотрены семантические и грамматические особенности устойчивых сочетаний. Выделены разные с точки зрения устойчивости УПИК: открытые ряды с широкой лексической наполняемостью модели без изменения ее общей семантики, низкой устойчивостью и отсутствием идиоматичности (*в печали*, *в скорби* и др.); более устойчивые сочетания, обнаруживающие семантическую и грамматическую слитность (*в сердцах* ‘в гневе’ и др.). Таким образом, исследование позволяет увидеть истоки формирования современных предикативных фразеологизмов аналогичной структуры.

Ключевые слова: историческая фразеология, старорусский язык, устойчивая предложно-именная конструкция, предложно-падежное сочетание, синтаксическая модель, предикатив, семантика состояния субъекта.

Для цитирования: Реинер А.И. Устойчивые сочетания «*v* + Loc, pl/sing» со значением ‘состояние лица’ в текстах делового и обиходного содержания XVI–XVII вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 1. С. 179–186. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-1-179-186>

Research Article

STABLE CONSTRUCTIONS OF THE PATTERN “*V* + LOC, PL/SING” DENOTING A PERSON’S STATE IN THE OFFICIAL AND COMMON TEXTS OF THE 16TH–17TH CENTURIES

Ada I. Reiner, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, adairein@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-6048-8886>

Abstract. This article examines stable prepositional-nominal constructions of the pattern “*v* + Loc, pl/sg” that denote a person’s state and function as a predicate in 16th–17th century Russian official and common texts. The study analyses 78 such constructions identified in approximately 600 usage contexts from historical dictionaries and corpora. The “*v* + Loc, pl/sg” pattern is shown to be productive in forming predicative units in Modern Russian, which reflects the historical loss of spatial meaning and development of state semantics in these constructions. The study identifies four semantic types of these constructions – psycho-physiological, socio-economic, processual, and presence/absence. The analysis distinguishes between weakly stable constructions without idiomatichity that form open series (e.g., *в печали* ‘in sorrow’) and highly stable constructions with semantic fusion (e.g., *в сердцах* ‘in anger’). This research establishes the historical origins of modern Russian predicative phraseological units with analogous structure.

Keywords: historical phraseology, Old Russian, stable prepositional-nominal construction, prepositional-case form, syntactic pattern, predicate, subject state semantics

For citation: Reiner A.I. Stable constructions of the pattern “*v* + Loc, pl/sing” denoting a person’s state in the official and common texts of the 16th–17th centuries. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 1, pp. 179–186. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-1-179-186>

Введение. Устойчивые предложно-именные конструкции (УПИК), состоящие из предлога и падежной словоформы, обладающие целостным значением и разной степенью идиоматичности и устойчивости (*в сердцах, про запас* и др.), представляют собой одну из дискуссионных тем в современной русистике. Трудности вызывает определение лексико-грамматического статуса таких единиц из-за отсутствия четких критериев отнесения их к лексическим или фразеологическим единицам и сложности разграничения устойчивых и свободных сочетаний, особенно в диакронии.

В центре внимания исследования находится одна из продуктивных моделей образования УПИК в старорусском языке – «*в + Loc, pl/sing*» со значением ‘состояние лица’ (*в девках, в бегах* и др.). Такие УПИК функционируют преимущественно как предикаты и как предикативные атрибуты. Предикативную семантику формируют именно предложно-именные сочетания, а связочные глаголы выступают контекстными сопроводителями, см., напр., *в живых* ‘живой’: *есть ли в живых ли она или померла* (Крестьянин Л. Иванов... о разрешении на второй брак, 1685. [НКРЯ])¹; *я въ Ярославле по Егоревъ ден еще в живых* (Грамотки, № 71, XVII – н. XVIII в. [СОРЯ])².

Модель «*в + Loc, pl/sing*» требует внимания, поскольку устойчивость образованных по ней сочетаний не всегда очевидна. С одной стороны, бóльшая часть единиц характеризуется прозрачностью семантики (*в горе, в скорби* и др.) и возможностью появления факультативного компонента (*в великих*) *убытках* и др.), что сближает их со свободными сочетаниями. С другой стороны, очевидно, что при обозначении состояний лица «пространственная семантика предложного (местного) падежа и предлога *в* стирается» [Герасименко: 429], значение состояния возникает как «явление вторичное» [Топоров: 66–69].

С учетом этих факторов модель может считаться фразеологической, поскольку: а) в общем смысле реализует особую семантическую схему «внутри X», где X – это некое внутреннее пространство (эмоция и др.); б) не обладает лексической «неподвижностью», «окаменелостью» [Шмелев: 50]. Единицы, образованные по модели «*в + Loc, pl/sing*», не индивидуальны в семантическом и синтаксическом плане, индивидуальна сама конструкция. Неизменяемыми элементами конструкции являются предлог *в*, падежная форма полнозначного компонента (*Loc (pl/sing)*), общая семантика модели (состояние), а изменяемыми – полнозначный компонент, выбор которого в исследуемой конструкции ограничен конкретной тематической группой (‘эмоции’, ‘профессии’ и др.).

Для современного материала Д.Н. Шмелев подчеркивает важность наличия характерной модаль-

ности в высказывании, реализующем фразеосхему, что обусловлено особыми оттенками в семантике, а также интонационными и лексическими средствами [Шмелев: 54]. В текстах XVI–XVII вв. конструкция «*в + Loc, pl/sing*» не характеризуется модальностью, она нейтрально обозначает разные состояния субъекта. Однако за счет общего переосмысления семантики в истории языка конструкция «*в + Loc, pl/sing*» обладает потенциалом для развития идиоматичных УПИК и остается востребованной в новейший период (*в потоке, в ресурсе* и др.). По наблюдениям Д.В. Руднева, широкое распространение этой предложно-падежной формы в предикативной позиции наблюдается именно в XVI–XVII вв., что связано «с активным языковым оформлением семантической категории состояния», «усилением и развитием составного именного сказуемого» [Руднев: 186–187].

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных функционально-семантическому описанию предикативных предложно-падежных форм (в том числе устойчивых) в современном русском языке (Я.И. Рословец, Г.А. Золотова, Н.А. Герасименко, А.А. Калинин и др.), их историческое развитие остается недостаточно изученным. Таким образом, исследование УПИК со значением состояния в текстах XVI–XVII вв. представляется **актуальным** для обращения к истокам формирования продуктивной модели со значением ‘состояние лица’ и именных предикатов, а также для описания малоизученного фонда устойчивых сочетаний старорусского языка и углубления понимания процессов фразеологизации и лексикализации УПИК как дискуссионных лексико-грамматических единиц.

Целью исследования является рассмотрение семантико-грамматических особенностей предикативных УПИК со значением состояния лица, образованных по модели «*в + Loc, pl/sing*» в старорусском языке. Анализ позволит выявить а) УПИК, тяготеющие к идиомам, б) менее устойчивые сочетания, часто являющиеся членами открытого ряда, где количество использующихся лексем в качестве полнзначных компонентов может быть сколь угодно большим (но часто одной тематической группы) [Генералова 2024: 90–91]. **Источниками сбора** материала послужили общие, региональные и терминологические исторические словари, представляющие старорусский период, подкорпусы Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и электронная текстовая база Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. (ЭТ СОРЯ). УПИК отобраны из лексикографических источников методом сплошной выборки (все выделенные в указанных словарях как устойчивые³), однако материал подвергался критическому осмыслению, в связи с чем методом частичной выборки проводился дополнительный отбор

УПИК с контекстами из НКРЯ и ЭТ СОРЯ. Объем исследовательской базы составил 78 УПИК и около 600 контекстов их употребления.

Семантические типы УПИК. В основу работы легли семантические типологии предикатов состояния, разработанные Т.В. Шмелевой (см.: [Шмелева]) и Н.А. Герасименко (см.: [Герасименко]). Эти классификации были учтены в качестве теоретической базы исследования, однако не могут быть в точности перенесены на языковое состояние XVI–XVII вв. в связи с особенностями функционирования модели в языке рассматриваемого периода, к тому же целью статьи является не всеохватное рассмотрение предикативной конструкции «в + Loc, pl/sing», а выделение семантических типов УПИК, позволяющих выявить сочетания разной степени устойчивости.

В текстах делового и обиходного содержания XVI–XVII вв. обнаруживаются четыре основных семантических типа предикативных УПИК в зависимости от обозначаемого ими состояния.

1. УПИК с семантикой

'психофизиологическое состояние'

1.1. Эмоциональное состояние. Группу формируют преимущественно УПИК типа открытый ряд, полнозначным компонентом в которых выступает абстрактное существительное в ед. ч. (реже – во мн. ч.), обозначающее эмоциональное состояние: *я нынѣ въ скорби въ великой* (АЮЗР III, 579, 1657 г. [ЭТ СОРЯ])⁴; *нынѣ вствъ въ отчаянии есмы* (АЮЗР III, 312, 1649 г. [ЭТ СОРЯ]); а также *в радости, в печали (-ях), в горе, в веселии, в ненависти* и др. Такие УПИК характеризуются высокой частотностью, но являются слабоустойчивыми, поскольку в этом случае устойчивость является только грамматической. Близость к свободным сочетаниям демонстрирует и возможность включения в конструкцию факультативных компонентов-интенсификаторов: прилагательных (*в неугашимои печали* и др.) или местоимений (*в печали своєї* и др.). Также УПИК демонстрируют определенную системность и градуальность на синтагматическом уровне (за счет включения факультативных компонентов: *в кручине* → *в великой кручине*) и парадигматическом уровне (за счет синонимии существительных-компонентов: *в печали* < *в горе* < *в отчаянии*). Часто УПИК функционируют в одном контексте для подчеркивания значимости и интенсивности состояния: *Я в печали своєї и в горкихъ слезахъ и в неугашимои печали* (ИНРЯ, 116, XVII в. [СОРЯ]).

В ряде сочетаний полнозначный компонент изначально не обозначает эмоцию или чувство. УПИК могут интерпретироваться как образные, в связи с чем демонстрируют большую степень идиоматичности, напр., *в сердцахъ* – орган мыслится как источник эмоций: *молыла въ брани въ сердцахъ* (Сл. и д. I,

441, 1636 г. [СлРЯ 24: 79]), *в тишине* – перенос отсутствия звуков на душевное спокойствие: *А великий государь наш... их жалует своим царским великим жалованьем... и живут... в тишине* (Ст. сп. Микулина, 186, 1601 г. [СОРЯ]).

Продуктивность модели и разная степень устойчивости УПИК сохраняется и в современном русском языке, где модель регулярно порождает новые УПИК: слабоустойчивые (*(не) в настроении, (не) в восторге, в ужасе* и др.) и близкие к идиомам (*в ударе, в ауте* и др.).

1.2. Интеллектуальное состояние. УПИК этой группы обозначают состояние, связанное с мыслительными процессами: 1) с размышлением: *братія въ сомнѣнїи* (Отписка архимандрита Евмения к митрополиту Иоакиму, 1673 г. [НКРЯ]); а также *в размышлении, в недоумении*; 2) памятью/забыванием: *Сава Максимовъ... в древней старости и в безпамятстве* (1681 г. [Сл. Ворон. 1: 73]); а также *в забытии*. Особенностью группы является ее замкнутость, обусловленная ограниченным кругом имен, входящих в тематическую группу 'интеллектуальная деятельность', в отличие от группы 'эмоции'.

Особый интерес представляют конструкции (*не) в забвении* и (*не) в забытии* 'забытый кем-л.', демонстрирующие особую семантику. Они характеризуют положение субъекта по отношению к действиям другого участника ситуации: *Вы не в забвенье что вы [канцлер Швеции] во вствъ своих дѣлехъ по приказу исполняли* (В-К III, 54, 1645 г. [СОРЯ]); *Василей... преж сего в забытии не был* (Пам. Влад., 262, XVII в. [СОРЯ]).

Замкнутость группы сохраняется и в современном русском языке: *в недоумении, в раздумьях, в сомнении* и др. Расширение группы может происходить за счет образования стилистически маркированных единиц (прежде всего жаргонных), напр.: *в непонятках*.

1.3. Общее психическое состояние. Эта группа представлена УПИК, обозначающими здоровое психическое, патологическое или аффективное состояние субъекта. УПИК *в безумии* обозначает состояние, ведущее к необдуманным действиям, антонимичное УПИК *в разуме* и устойчивому сочетанию *в целом уме: снаха моя... хочет съехать выную губернию в целом ли уме или в безуме того не ведаеть* (1713 г. [Сл. Ворон. 1: 73]); *Пишу я себе... духовную памет<ь> в целе уме и в разуме* (Пам. Влад., 248, 1693 г.). Таким образом, в старорусском языке группа формирует замкнутую систему, основанную на бинарных оппозициях.

В группе обнаруживаются и многозначные сочетания *в беспамятстве* и *в забытии*, относящиеся к двум семантическим типам, поскольку обозначают как состояние, связанное с забыванием, напр., в связи со старостью, так и пребывание во временном

обморочном состоянии: *Его, Евтюшку, ударила падучая болъзнь о землю... и взявъ повезли его домой... въ безпамятствѣ* (Сл. и д. II, 30, 1701 г. [СлРЯ 1: 157]); *Онъ... толко очми зреть, а не говоритъ... такъ то онъ лежитъ в забытїи* (ААЭ IV, 79, 1652 г. [ЭТ СОРЯ]).

В современном русском языке модель с компонентом-существительным оказалась востребованной для образования объемной группы УПИК, напр.: *(не) в адекватѣ, в протрациѣ, в депрессїи, (не) в ресурсѣ, в тревогѣ, в паникѣ*. Пополнение группы связано с использованием психотерапевтической лексики для выражения психических состояний (см.: [Дёмина]).

1.4. Состояние самоконтроля. Такие УПИК выражают внутренние состояния субъекта, связанные с регуляцией поведения, часто базирующейся на морально-религиозных нормах, и представляют собой открытый ряд: *Мы, будучи въ терпѣливости, во всемъ полагая на Бога и на себя... перемирье зъ братомъ своимъ взяли на лѣтъ* (Польск. д. III, 681, 1570 г. [ЭТ СОРЯ]); *язъ то отъ вашего жалованья приняль въ покорности, с великой любовью* (Рим. имп. д. I, 1210, 1589 г. [ЭТ СОРЯ]); а также *в кротости, в смиренїи, в послушанїи* и др.

В современном русском языке подобные сочетания тоже употребляются, но преимущественно в религиозно-христианском дискурсе. Однако влияние популяризации психологии привело к актуализации в разговорной речи УПИК *в принятии* ‘в смиренїи с жизненными трудностями’ [Дёмина: 80].

1.5. Физиологическое состояние. Часть УПИК этой группы характеризует здоровье и биологическую активность: *монахъ Сильверствъ... не молодъ, толко еще в силѣ* (Гр. Арханг. еп., 18, 1696 г. [СлРЯ 24: 138]); *и сказалъ я ему, что постригся въ немощи* (ААЭ II, 141, 1606 г. [СлРЯ 11: 177]); а также *в живых, в болезни*.

Другие сочетания обозначают возраст, напр., *в возрасте ‘совершеннолетний’: Я, сирота, в то время былъ в малыхъ лѣтах, а нынѣ я в возрасте* (Крестьянин-бобыль С. Пантелеев... об отдаче отцовского повятья, 1670–1679 гг. [НКРЯ]), *в недорослях ‘не достигший совершеннолетия’: Дети будутъ в недорослях, меньши пятнадцати лет* (Соб. улож. 1649 г. [НКРЯ]).

Группа характеризуется системой бинарных оппозиций (напр.: *в силѣ – в немощи, в возрасте – в недорослях*), которая сохраняется и в современном русском языке в группе УПИК, связанной с биологической активностью человека, напр.: *(не) в силах, (не) в формѣ*.

2. УПИК с семантикой

‘социально-экономическое состояние’

2.1. Профессиональный статус. Это открытый ряд УПИК, включающих любое существительное с семантикой ‘профессия, род занятий’ всегда

в форме мн. ч. и демонстрирующих принадлежность к группе людей, объединенных по деятельностному признаку: *Демидко... въ звонаряхъ* (А. посад. люд., 120, 1640 г. [СОРЯ]); *Омелке Мухановскому быть... въ лѣкарехъ и въ травщикахъ* (Мат. медиц., 247, 1663 г. [СлРЯ 23: 77]); а также *в денщиках, в стряпчих, в послах, в дворниках* и др.

В старорусском языке конструкция обладала высокой продуктивностью, но с развитием языка превратилась в «грамматический идиоматизм» [Виноградов: 356], что связано с архаизацией самой модели [Лекант: 147]. В современном русском языке могут употребляться лишь некоторые единичные подобные УПИК, однако они функционируют преимущественно с оттенком иронии или пренебрежения: *Предупреждаю: не возъмѣшься за ум – закончишь свою жизнь в сторожках!* (Галактионова В.Г. Спящие от печали, 2010 г. [НКРЯ]); *Как ходит такой алкаш в директорах – непонятно* (Шапко В.М. Графомания как болезнь моего серого вещества // Волга. 2012 [НКРЯ]).

2.2. УПИК с семантикой ‘семейный статус’. Группу формирует небольшое число УПИК, напр., *в девках ‘не замужем’: А свою своячину какъ она была в дѣвках не хотя поить и кормить* (XVII в. [Сл. Ворон. 1: 422]); а также *во вдовах, в племяни (племянстве) ‘являясь родственником’*.

В современном русском языке, с одной стороны, продолжают функционировать некоторые из давно известных сочетаний, но уже в качестве идиом (*сидеть, засидеться* и др.) *в девках*, с другой стороны, образуются новые, в составе которых полнозначным компонентом выступает существительное не со значением лица, а конкретного семейного (часто юридического) статуса (*в браке, в разводе* и др.).

2.3. Имущественное положение. УПИК обозначают общее имущественное состояние субъекта, напр., *в убытках и в шkode (шкоте) ‘понесший денежный ущерб’: Тъ убогие люди въ жалости своей и в убыткахъ и въ шкотѣ были благодарно* (АЮЗР III, 92, 1647 г. [ЭТ СОРЯ]), *в проести ‘понесший ущерб в связи с судебными делами, тяжбами’: они отъ того волочасъ въ проѣсти... въ концеъ погибли* (АИ III, 102, 1620–1645 гг. [ЭТ СОРЯ]), а также *в нищих, в скудности, в бедности, в нужде (-ах)* и др. Характерно, что лишь единичные сочетания описывают благополучное экономическое состояние субъекта, напр., *в статке ‘имеющий наследство’: А учнетъ жена моя жити с своими детьми, ино волен Бог да она в животе и в статкѣ* (Духовная И. Юрьева сына Ярлыкова, 1548 г. [НКРЯ]).

Обнаруживается лексическая и грамматическая разнородность в образовании этих УПИК: одни из них формируются по модели группы ‘профессиональный статус’, т. е. принадлежность к группе людей одной профессии (*в нищих*), в других словофор-

мы функционируют строго в форме ед. ч. (*в шкоде*) или мн. ч. (*в убытках*).

В современном русском языке группа продолжает развиваться, функционируют аналогичные сочетания и образуются новые: *в нужде, в роскоши, в достатке, в плюсе, в минусе* и др.

2.4. Состояние экономической зависимости.

Эту группу преимущественно образуют УПИК-формулы, поскольку они обозначают определенную ситуацию и заменяют собой развернутое информативное описание [Зиновьева: 13]. Полнозначным компонентом выступает существительное, обозначающее конкретный тип экономической зависимости или обязательства, напр., *в оброке* ‘выплачивая фиксированный налог (натурой или деньгами)’ и *в сохах* ‘выплачивая подать с пахотной земли’: *вели, государь, намь быть въ оброке по прежнему, а не въ сохах, что-бъ намь... вконец не погибнуть* (Писц. д. I, 8, 1613 г. [ЭТ СОРЯ]), *в тягле* ‘нося трудовую повинность’ (*имь быть въ тяглы и въ тяглых службахъ* (А. тяг. II, 112, 1668 г. [СлРЯ 30: 270]), а также *в кабале* ‘находясь в личной зависимости, связанной с займом’, *в долгах* и др.

В современном русском языке функционируют некоторые аналогичные сочетания, напр.: *в долгах, в кредитах*. Однако УПИК *в кабале* функционирует и в современном русском языке, но уже как идиома, обозначая зависимость вообще (психологическую, бытовую, финансовую): *Мы были в кабале у наших родителей, а Феликс волен в своем жизнеустройстве, настолько волен, что сам же и выбрал себе мать* (Р.Ш. Валеев. Зелёный пиджак в клеточку // Уральская новь. 2003 [НКРЯ]).

2.5. Общее бедственное положение. Группу составляют УПИК, обозначающие временное трудное состояние субъекта, вызванное неблагоприятными событиями, такими как лишения или притеснения, напр.: *2 человека в бедах* (Росп. прид., 124, XVII в. [СОРЯ]); *Буди... терпеливъ въ напастехъ* (Дм., 11, XVI в. [СОРЯ]).

Особый интерес представляет сочетание *в обидах* ‘понесший ущерб от кого-л.’, где значение развилось от чувства обиды к указанию на причиненный экономический ущерб. УПИК является деловой формулой и преимущественно используется в челобитных, напр.: *Промышленные люди въ обидахъ на него... бьютъ челомъ* (ДАИ IV, 27, 1655 г. [ЭТ СОРЯ]).

По данным НКРЯ, в современном русском языке такие УПИК преимущественно функционируют в качестве свободных.

3. УПИК с семантикой ‘процессуальное состояние’

Относительно современного русского языка Т.В. Шмелева рассматривает действие как тип событий внутри каждой из четырех сфер: физической,

психической, интеллектуальной, социальной [Шмелева: 14–27], а Н.А. Герасименко выделяет деятельное/недеятельное состояние только внутри социальной сферы [Герасименко: 400]. Очевидно, процесс может предполагаться и в других группах, особенно в УПИК, обозначающих интеллектуальное состояние (напр.: *в размышлении* ‘размышляя’), однако процессуальность в них не главенствует. Поскольку в текстах XVI–XVII вв. функционирует особый пласт УПИК, где именно процессуальное значение является основным, такие сочетания формируют отдельную группу. Полнозначным компонентом в УПИК чаще, чем в других группах, выступает девербатив: *самъ повсегда... во убийствъ, в граблении, в хищении* (Посл. Ив. Грозного в Кир.-Бел. мон., 1573 г. [НКРЯ]); *многие люди в розсылкѣ о воинскихъ вѣстяхъ в двѣ стороны посланы* (1682 г. [Сл. Перм. 2: 191]); *въ сыску дворяне: Иванъ Петровъ Вельяминовъ, Иванъ Яковлевъ сынъ Вельяминовъ* (Челобитная И.И. Голенищева-Кутузова, 1614 г. [НКРЯ]); а также *в разбое, в побеге, в приводе* и др.

Особенностью этой группы является семантика УПИК, они способны обозначать: а) активные состояния, указывающие на участие субъекта как активного исполнителя действия (*в убийстве, в разбое* и др.), что делает их группу открытым рядом; б) пассивные, в которых субъект подвергается воздействию со стороны (*в рассылке* ‘отправленный для выполнения служебных дел’, *в сыску* ‘в розыске’); такие УПИК демонстрируют семантическую специфику, их количество ограничено.

В группе обнаруживаются и другие сочетания, характеризующиеся некоторой семантической трансформацией. Напр., семантика УПИК *в волоките* сдвигается от активной процессуальной (1) к пассивной процессуально-юридической (2), где субъект подвергается воздействию со стороны («в языке Московской Руси возникает специфическое значение слова *волоки́та* – ‘намеренное затягивание судебного процесса и принятия решения по делу’» [Генералова 2019: 9]): 1) *А я де был съ тѣхъ мѣсть и по ся мѣста въ волоки́тъ по службамъ* (Сид, 28, 1626 г. [СОРЯ]); 2) *И нынѣ, государь, мы сироты твои волочимсе на Москвѣ, ... а мы, государь, въ волоките вконецъ погибли* (Писц. д. I, 141, 1620 г. [ЭТ СОРЯ]).

Другое сочетание *в бегах* ‘совершив побег, скрываться где-л.’ совмещает процессуальную семантику (в составе оборота есть девербатив), локативность (пребывание вдали от дома) и значение социального статуса (о беглых крестьянах): *крестьяне изъ той вотчины выбежали изъ за отца моего... и нынѣ гдѣ живутъ въ бѣгахъ* (Шумаков. Сотницы IV, 3, 1662 г. [СОРЯ]).

В современном русском языке группа не только сохраняется (*в бегах, в розыске, в делах* и др.),

но и остается высокопродуктивной, активно пополняясь единицами, выражающими процессуальные и процессуально-локативные состояния (*в командировке, в отпуске, в отгуле, в отлучке* и др.).

4. Состояние присутствия / отсутствия

Группа объединяет УПИК с семантикой нахождения в числе присутствующих/отсутствующих, напр., *в естех* ‘в числе присутствующих’: *по смотру въ естехь Карачевцовъ дѣтей боярскихъ 24 ч.* (Зап. кн. Моск. ст., 1626–1627 гг. [НКРЯ]), *в нетех* ‘в числе отсутствующих’: *Угличанъ по наряду 44 ч., в нетехъ все* (Вн. разряд. II, 61. 1616 г. [СлРЯ–11: 317]), *в лицах* ‘среди присутствующих’: *емлют годовой денежной оброк с тех, которые в лицах* (1638 г. [Сл. Том.: 117]).

Формирование УПИК связано с грамматическими и семантическими особенностями: обнаруживается метонимия в УПИК *в лицах* («часть → целое»), грамматическая переинтерпретация полнозначных компонентов в составе УПИК *в естех* и *в нетех* (*нет* и *есть* в исследуемый период слова выступали в том числе в функции существительных). Хотя в семантике УПИК присутствует социальный компонент (напр., см. *нѣти* ‘лица, не явившиеся на осмотр или на военную службу’ [СлРЯ 11: 317]), доминирующим остается факт присутствия/отсутствия субъекта в определенном месте.

Заключение. Модель «*в* + Loc, pl/sing» обозначает состояние лица как его пребывание внутри некоего абстрактного пространства, которое мыслится формой состояния (психофизиологического, социального, процессуального, присутствия/отсутствия). Наиболее продуктивными в исследуемый период являются УПИК, характеризующие эмоциональное, процессуальное состояние, а также профессиональный статус субъекта. В дальнейшем одни семантические модели остались свойственны только языку Московской Руси (напр., со значением ‘профессиональный статус’), другие продуктивны и в современном русском языке (со значением ‘эмоциональное состояние’ и ‘общее психическое состояние’).

На основе семантико-грамматического анализа УПИК могут быть распределены по степени устойчивости и идиоматичности на следующие группы:

1) слабоустойчивые и неидиоматичные, составляющие группы «открытые ряды» (*в радости, в горе* и др.) и допускающие в ряде случаев компонентное расширение (*в неутешимой печали* и др.);

2) устойчивые и частично идиоматичные сочетания (характеризуются фиксированностью и наличием обобщенной комплексной семантики), напр.: *в бегих* (процесс + социальный статус + местоположение), *в возрасте* (физическое + социальное состояние) и др.;

3) приближающиеся к идиомам за счет метафорического/метонимического переноса (часто в пол-

нозначном компоненте), напр.: *в сердцах* (орган → эмоция ‘гнев’), *в волоките* (процесс → результат ‘судебные издержки’).

Таким образом, анализ предикативных УПИК со значением состояния лица в деловых и обиходных текстах XVI–XVII вв. позволил выявить продуктивные структурно-семантические модели языка исследуемого периода, сопоставить их с аналогичными моделями, функционирующими на современном этапе развития русского языка, а также проследить истоки образования идиом.

Примечания

¹ Примеры из НКРЯ приводятся с указанием сокращенного названия документа (даются 3–4 слова из названия документа, позволяющие его идентифицировать при поиске).

² При цитировании примеров из словарей-источников (СОРЯ, СлРЯ) в квадратных скобках приводится сокращение словаря, номер выпуска и номер страницы, где расположена цитата, возле которой указывается сокращение памятника (см. расшифровки в словарях), страница и датировка. При цитировании примеров из региональных словарей, где указывается не конкретный памятник (издание), а данные архивов, приводится только сокращение словаря, датировка и адрес цитаты.

³ Не во всех лексикографических источниках УПИК трактуются как устойчивые, что обусловлено различиями в понимании объема фразеологии и критериях отнесения тех или иных единиц к фразеологическому фонду языка. В ряде случаев УПИК трактуются как свободные или частично устойчивые, а также распределяются по значениям предлога.

⁴ Цитаты из памятников, извлеченные из электронной текстовой СОРЯ, приводятся с указанием сокращения источника, принятого в СОРЯ, и адреса цитаты.

Список литературы

Источники

НКРЯ – Национальный корпус русского языка (старорусский подкорпус). URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 01.08.2025).

Сл. Ворон. – Хитрова В.И. Словарь воронежской деловой письменности XVII–XVIII вв. Т. 1–4. Москва, 2022–2023.

Сл. Перм. – Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII в. Т. 1–2 / сост. Е.Н. Полякова. Пермь, 2010.

Сл. Том. – Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII вв. / под ред. В.В. Палягиной, Л.А. Захаровой. Томск, 2002.

СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32. Москва, 1975–2023 (издание продолжается).

СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–10. Санкт-Петербург, 2004–2025 (издание продолжается). URL: <https://xvi-xvii.iling.spb.ru/> (дата обращения: 20.07.2025).

ЭТ СОРЯ – Электронная текстотека Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.

Исследования

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Москва; Ленинград: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. 783 с.

Генералова Е.В. Лингвистический портрет московской волокиты // Славянская историческая лексикология и лексикография: сб. научных трудов. Вып. 2 / отв. ред. В.Н. Калиновская, И.А. Малышева. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2019. С. 7–16.

Генералова Е.В., Зиновьева Е.И. Истоки русской фразеологии: устойчивые сочетания языка делового и повседневного общения Московской Руси XVI–XVII вв.: монография. Санкт-Петербург: Изд.-полиграф. ассоциация высших учебных заведений, 2024. 462 с.

Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в современном русском языке: структура, семантика, функционирование: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1999, 518 с.

Дёмина А.Е. В потоке, в моменте, в ресурсе: о лексике современного (псевдо)духовного поиска // Неология. Неография. 2022: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.В. Козловская. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2023. С. 74–88.

Зиновьева Е.И. Стереотипные формулы деловых документов и памятников обиходного языка Московской Руси XVI–XVII веков (систематизирующий подход) // Научный диалог. 2023. № 2. С. 9–26.

Лекант П.А. Развитие форм сказуемого // Мысли о русском языке. Москва: Просвещение, 1969. С. 140–154.

Руднев Д.В. Из истории формирования фазовых модификаторов в сфере именных предикатов состояния // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2010. № 3. С. 186–194.

Топоров В.Н. Локатив в славянских языках. Москва: АН СССР, 1961. 380 с.

Шмелев Д.Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 47–60.

Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т., 1988. 54 с.

References

Generalova E.V. *Lingvisticheskii portret moskovskoi volokity* [Linguistic Portrait Of Moscow Red Tape]. *Slavianskaia istoricheskaia leksikologiya i leksikografiia*:

sb. nauch. trudov. [Slavic Historical Lexicology and Lexicography], ed. by V.N. Kalinovskaia, I.A. Malysheva. St. Peterburg, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019, no. 2, pp. 7–16. (In Russ.)

Generalova E.V., Zinov'eva E.I. *Istoki russkoi frazeologii: ustoiichivye sochetaniia iazyka delovogo i povsednevnogo obshcheniia Moskovskoi Rusi XVI–XVII vv.* [The origins of Russian phraseology: stable combinations of the language of business and everyday communication of Moscow Russia in the XVI–XVIIth centuries]. St. Peterburg, Izd.-poligraf. assotsiatsiia vysshikh uchebnykh zavedenii Publ., 2024, 462 p. (In Russ.)

Gerasimenko N.A. *Bisubstantivnye predlozheniia v sovremennom russkom iazyke: struktura, semantika, funktsionirovanie: dis. ... d-ra filol. nauk* [Bisubstantive Sentences in Contemporary Russian: Structure, Semantics, Functioning: DSc, summary]. Moscow, 1999, 518 p. (In Russ.)

Demina A.E. *V potoke, v momente, v resurse: o leksike sovremennogo (psevdo)dukhovnogo poiska* [On the vocabulary of modern (pseudo)spiritual search]. *Neologiya. Neografiia. 2022: sb. nauch. st.* [Neology, Neography, 2022: collection of scientific articles], ed. by N.V. Kozlovskaiia. St. Peterburg, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ, 2023, pp. 74–88. (In Russ.)

Lekant P.A. *Razvitie form skazuemogo* [Development of Predicate Forms]. *Mysli o russkom iazyke* [Reflections on the Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969, pp. 140–154. (In Russ.)

Rudnev D.V. *Iz istorii formirovaniia fazovykh modifikatorov v sfere imennykh predikatov sostoianiia* [On the History of Constructions Expressing Phase Modification in Nominal Predicates of State]. *Vestnik SPbGU. Iazyk i literatura* [Vestnik of St. Petersburg State University. Language and Literature], 2010, no. 3, pp. 186–194. (In Russ.)

Shmelev D.N. *O «sviazannykh» sintaksicheskikh konstruktiiakh v russkom iazyke* [On “Connected” Syntactic Constructions in the Russian Language]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Topics in the study of language]. 1960, no. 5, pp. 47–60. (In Russ.)

Shmeleva T.V. *Semanticheskii sintaksis: tekst lektsii* [Semantic Syntax: Lecture Text]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Publ., 1988, 54 p.

Toporov V.N. *Lokativ v slavianskikh iazykakh* [The Locative in Slavic Languages]. Moscow, AN SSSR Publ., 1961, 380 p.

Vinogradov V.V. *Russkii iazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian Language (A Grammatical Study of the Word)]. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz. Publ., 1947, 783 p. (In Russ.)

Zinov'eva E.I. *Stereotipnye formuly delovykh dokumentov i pamiatnikov obikhodnogo iazyka Moskov-*

sloi Rusi XVI–XVII vekov (sistemiziruiushchii podkhod) [Stereotypic Formulas of Business Documents and Monuments of Common Language of Moscow Rus' in the 16th and 17th Centuries (Systematizing Approach)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2023, no. 2, pp. 9–26. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.11.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 05.11.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.